

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

ЛЮБОВЬ ЗЛА

ИЛИ
НОЧНАЯ
БАБОЧКА

Владимир Григорьевич Колычев
Ночная бабочка.
Кто же виноват?
Серия «Колычев. Мастер
криминальной интриги»
Серия «Колычев. Русский шансон»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164752

Владимир Колычев. Ночная бабочка. Кто же виноват?: Эксмо; Москва;
2007

ISBN 978-5-699-20889-0

Аннотация

Говорят, любовь зла. Бывший сержант-десантник Корней убедился в этом на собственном горьком опыте. Полюбил он редкостную красавицу Вику, и никакая сила не может заставить его расстаться с ней. Даже эти невзгоды, что сыплются на его голову одна за другой. То чуть в тюрьму не угодил из-за нее, то в психушку попал. Но оказывается, это еще цветочки. Его конкуренты в бизнесе сделали Вику разменной монетой в крупной игре против него. Он узнал, что она стала «ночной бабочкой». Значит, теперь есть только два исхода – либо он убьет ее, либо погибнет сам. Ведь разлюбить ее он не в силах...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Владимир Колычев

Ночная бабочка.

Кто же виноват?

Глава 1

Истории бывают разные – от личных до всемирных. Братья Люмьер въехали во всемирную историю на «прибывающем поезде». Я же, похоже, готов был вляпаться в историю – но из-за отбывающего поезда. Правда, эта история – моя личная. И грозящие проблемы, разумеется, личного характера. Придется покупать новый билет, ждать следующего поезда. И в деньгах потеря, и во времени. А у меня негусто ни с тем, ни с другим. Солдат срочной службы ограничен в деньгах, а каждый час отпуска – на вес золота. Такая вот беда в России: срочная служба долгосрочная, а отпуск – краткосрочный... Так думал я, глядя вслед уплывающему вдаль вагону. Так думал я, в отчаянном спринте пытаюсь его настичь. Еще есть время, еще не закончилось асфальтовое покрытие перрона, еще есть возможность сохранить и даже увеличить скорость...

«Постой, паровоз, не стучите, колеса»... Кондуктор, зараза, на тормоза не жмет. Но я сам, я справлюсь. Еще немно-

го, еще совсем чуть-чуть... Есть!.. Одной рукой я хватаюсь за поручень в пластиковой оплетке, запрыгиваю на подножку. Вторая рука занята – в ней чемодан: шило-мыло, все такое. Нет свободной руки, которой можно было бы помахать провожающим. Да и отстали они сильно. Три точки вдали, под навесом перрона. Друг мой Пашка и две девушки – его Лена и моя Таня, которая раскрашивает в радужные тона унылость моего армейского существования. Симпатичная девушка, учится в педучилище, снимает полдома на паре с Леной – что важно, недалеко от нашей части. Мы к ним с Пашкой и в увольнение ходим, и в самоволку бегаем. Ну, чем я там с ней занимаюсь, это мое дело. Скажу только, что нет у меня повода жаловаться на нее. Может, ну его, этот поезд? Ведь дверь мне никто не открывает, а вагон самый что ни на есть современный – без открытого тамбура, как это было в старину. До следующей станции час, а то и два ходу. Ноябрь месяц, само по себе холодно, а тут еще встречные потоки морозного воздуха. Так ведь и околеть недолго... А под одеялом у Тани так тепло и уютно. Кому как не мне это знать – только что оттуда...

Но нет, прыгивать с подножки не стану. Завтра утром я буду в Москве, там меня ждут, готовятся к встрече. Да и проводница уже через окно на меня смотрит. Глаза – два медных пятака на солнце, рот полураскрыт. Как на идиота на меня смотрит, хотя у самой вид идиотский – извините, что так о женщине...

К счастью, вагонная дверь открывалась внутрь, а то бы досталось мне – уж больно резко распахнула ее проводница. Смотрит оторопело, как вваливаюсь я в тамбур. Хотя бы чемодан взяла... Ладно, спасибо ей за то, что билет не потребовала, прежде чем впустить.

– С ума сошел! – выдала она, закрывая за мной дверь.

Было бы странно услышать от нее что-то другое. Я сделал возмущенные глаза:

– А парашют?

– Какой парашют?! – ошарашенно уставилась на меня женщина.

– На котором я к вам прыгнул... Вы же видите, что я десантник...

Что правда, то правда. Действительно, в своем бесславном лице я представлял славные воздушно-десантные войска. Старший сержант Корнеев, замкомвзвода разведроты парашютно-десантного полка. Кличка, то есть позывной – Корней. Имя... тоже Корней. Дед Корнеем был, отец – Корней. Ну и мне досталось... В принципе ничего страшного. Корней – чисто мужское имя, крепкое, основательное. Да я и сам не слабак. Кто не верит, тому доказывать ничего не буду. Не до того...

– Охальник ты, это я вижу... – Женщина, похоже, поняла, что ее дурачат. – Парашют свой показывай!

– Так я же про него и спрашиваю...

– А я про билет твой спрашиваю. А то как бы с поезда

выпрыгивать не пришлось, без парашюта!

С юмором женщина, уважаю таких. И билет всегда готов предъявить.

– Третье купе, двенадцатое место...

Это было сказано таким тоном, как будто не билет предписывал, а проводница единолично решала, кому какое место занимать. И голос командный – как у взводного. Находись я сейчас в прострации, будь глупым «духом», мог ответить «Есть!» и строевым шагом отправиться в указанном направлении. Но у меня полтора года службы за плечами, я уже «дед», почти «дембель». По весеннему приказу в апреле-мае в этом же поезде, но уже насовсем отправлюсь домой.

– Сэнк'ю!.. – весело подмигнул я проводнице и степенно-развязной походкой направился к своему купе.

На ходу бросил, не оборачиваясь.

– Чистое белье и чай!

– Иди, иди!

Да, был бы я лордом в черном смокинге и с толстой стопкой фунтов в кармане, я бы услышал в ответ четкое: «Да, сэр! Всегда рады, сэр!». А тут иди, и не просто иди... А чем, спрашивается, солдат, пардон, сержант Российской армии хуже заморского лорда? От него хоть практическая польза есть, он Родину защищает... Правда, не совсем понятно, от кого. Америка и НАТО с недавних пор для нас как бы друзья, никто вроде бы нападать на нас не собирается. И внутренних войн нет. Разве что в Чечне, говорят, какая-то заварушка. Но

там свои со своими воюют, ну, наши оппозиционерам вроде бы помогают. Ну, и в Осетии еще неспокойно... Ну да ладно, не надо о плохом, тем более в такой день.

— Кондуктор не спешит, кондуктор понимает... — тихонько пропел я.

Это уже другая песня. Но и здесь кондуктор... Только с девушкой своей я распростился не навсегда. Я еще вернусь, еще как минимум полгода буду дружить со своей Танюхой. А как максимум... Об этом не хотелось думать, но, если вдруг Танюха залетит, тогда придется жениться на ней. Может, я и не произвожу впечатления серьезного человека, но как бы то ни было, у меня есть определенные жизненные принципы. Поэтому прежде чем спутаться с девушкой, я стараюсь примерить ее на роль своей будущей жены. Если в этой роли она меня хоть мало-мальски устраивает, тогда даю себе зеленый свет. Если нет, то все равно зеленый свет, но с предохранителем. Танюха — девушка симпатичная, добрая и хозяйка хорошая. Так что если вдруг что, можно будет потом забрать ее с собой в Москву...

Хотя, конечно, лучше без этого. У меня вся жизнь впереди. И сколько еще женщин может быть. А обручальное кольцо — это как гиря на ноге утопленника... Но в то же время не так уж я и молод, чтобы бояться обременить себя семьей. Моему другу Пашке только-только двадцать лет исполнится, а мне уже двадцать четыре, так-то вот. Да что там Пашка! Командир моего взвода, и тот на целых два года младше ме-

ня.

Но Урусов – командир взвода и лейтенант, а я – его заместитель и всего лишь старший сержант. Урусов окончил высшее военное училище, а у меня – среднеспециальное и неоконченное высшее образование. Машиностроительный техникум за плечами, почти четыре курса технического университета. После пятого курса мог бы получить диплом инженера и лейтенантские погоны – тогда если бы служил, то в офицерском звании и на офицерской должности. А так я тащу срочную службу со всеми ее солдатскими тяготами и лишениями. И все из-за одного нехорошего человека... Ну да ладно, что было, то было; что есть, то есть... Простился старший сержант Корнеев со своей девушкой, но не навсегда. Да, я еду домой, в отпуск. Но снова вернусь к своей Татьяне. Хочу я этого или не хочу, но вернусь. Да и хочу я вернуться к ней. Нравится она мне. И если вдруг что, ребенок без отца не останется...

В таком вот благородно-героическом настроении я отодвинул в сторону дверь своего купе. И застыл столбом, потрясенно уставившись на свою спутницу... Вообще-то, соседей по купе было трое: мужчина, женщина и юная девушка. К ней, к этой юной особе, и прикипел я взглядом. Такой красоты я еще не встречал... Назвать ее красавицей значило не сказать ничего. Я даже не знаю, как выразить словами, как она была красива. Густые и ровные волосы темно-русого цвета, большие аквамариновые глаза, большой четко очер-

ченный рот, совершенной формы овал лица... Я видел женщин с роскошными волосами, с такими же красивыми глазами, с идеальными чертами лица. И в жизни видел, и на обложках глянцевых журналов. Но ни одна красотка не могла произвести на меня такого ошеломляющего впечатления, как это диво дивное... Может быть, даже не в чертах лица дело. Вот увеличь ей носик, уменьши ротик, расширь скулы, удлини подбородок... И даже после этого она все равно будет сногсшибательно красива. Потому что в глазах сила ее красоты, в глубинах души, где у нее находится мощнейший источник женского обаяния... Впрочем, я мог ошибаться – как всякая жертва колдовского наваждения. Но я не ошибался. За какие-то несколько мгновений я зарядился стопроцентной уверенностью, что более совершенной красоты не существует.

– Эй, парень! Тебе чего? – одернул меня мужчина.

Из состояния транса он меня не вывел, но все же заставил обратить на себя внимание. Мужичку лет под сорок. Спортивного телосложения, в спортивном костюме. Большие залысины, высокий лоб, широкая переносица, асимметрично посаженные глаза, массивный подбородок с ямочкой.

– А-а, у меня билет сюда... – растерянно пробормотал я.

И увидел, как недовольно поджала губы женщина... Только сейчас я заметил, что и она довольно-таки хороша собой. Тот же овал лица, такого же цвета большие глаза... Такая же красивая, но совсем не такая молодая. И далеко не столь

ошеломляющая. Нетрудно было догадаться, что юная красавица приходилась ей дочерью.

– Точно сюда? – с досадой спросил мужчина.

Он тоже не скрывал своего недовольства. И очень хотел, чтобы я ошибся номером... Да я и сам засомневался. Вроде бы третье купе, вроде бы двенадцатое место свободно. Вроде бы не ошибся... Но вдруг я попал в какое-то другое измерение? Ведь в моем родном земном измерении водятся только земные красавицы, а здесь нечто иное, совершенно невероятное...

Я неуверенно пожал плечами и глянул на свой билет.

– Да нет, все правильно...

– Да, повезло, – обреченно вздохнула женщина.

Пожалуй, ее можно было понять. До Москвы ехать и ехать. Семья из трех человек удобно расположилась в четырехместном купе. Все трое переоделись в спортивные костюмы и замерли в ожидании – пошлет им судьба соседа или нет. Здорово, если нет... Поезда тронулся. Нет соседа!.. А тут раз, и такой облом. Здравствуйте, я ваша тетя! То есть «дедушка» Российской армии. Сейчас он снимет свои сапоги, и бедные люди задохнутся от казарменного смрада... Не дождутся! Я в конце концов не какое-то пришибленное чмо, а цивилизованный «дед». И не сапоги на мне, а офицерские берцы. Носки совсем свежие: сегодня утром чистые надел. Ведь я же знал, что с людьми буду в поезде ехать, а не с баранами в скотовозе. Камуфляж на мне совсем новенький

– спасибо старшине. Ну, вспотел малость, пока за поездом бежал – тельняшка потом напиталась. Но это уж извиняйте, хочешь ездить в отдельном купе – выкупи его целиком и не горюй... Впрочем, девушка не морщила свое прелестное личико. Похоже, ее совершенно не смущал свалившийся на голову солдатик. Скорее мое появление обрадовало ее, чем огорчило. Хотелось бы, чтобы мои чаяния соответствовали действительности.

– Мама, офицеру, наверное, нужно переодеться, – мило улыбнулась прекрасная незнакомка.

Как будто фиалковое поле расцвело посреди кактусовой пустыни.

Девушка обращалась к матери, но смотрела на меня. Приветливая улыбка, чувственный взгляд, нежный завораживающий голосок. От волнения у меня вдруг стали отниматься пальцы рук... Никогда в жизни я так не волновался, как сейчас. Настоящий ураган чувств... Определенно, я находился во власти дьяволь... о, пардон!.. ангельских чар.

– Это не офицер, – надменно усмехнулся мужик. – Это... э-э, сержант... Кажется, старший.

– Старший, – без особой гордости за себя кивнул я.

– А если не офицер, все равно переодеться надо...

Золотые слова. Из золотых уст... Я смотрел на красавицу, как мог смотреть древний грек на богиню любви Венеру, спустившуюся к нему с Олимпа. Восторженно смотрел, замороженно, влюбленно. Ураган страстей раскачивал меня

изнутри...

Мужику очень не понравилось, как я смотрел на его дочь. Нахмурил брови, угрожающе сузил глаза, поджал губы.

– Вика, тебе нужно выйти, – глядя на меня, обратился он к девушке.

Значит, ее зовут Вика... Вика, Виктория. Прекрасное имя... Впрочем, я был в таком состоянии, что готов был торговаться любым именем – Фросей, Дуней, – если бы оно принадлежало моей юной соседке... Моей... Пока лишь соседке, но уже моей...

– И тебе, Ася...

Сначала из купе вышла мать Вики, затем она сама. Я не удержался и проводил ее восхищенным взглядом. Только сейчас я заметил, что у нее великолепная фигура. Впрочем, иначе и быть не могло... Даже мешковатый костюм не мог скрыть волнующие изгибы ее стройного стана. А если бы на ней сейчас было облегающее вечернее платье с открытой спиной? Я мысленно представил ее в этом наряде и чуть не затрещал по швам от переизбытка распирающих чувств.

– Глаза сломашь! – рявкнул на меня мужик.

Но словами он не ограничился и дал волю рукам. С силой схватил меня за ворот куртки и дернул, разворачивая к себе лицом. Удивительное дело, но ему это удалось – он смог развернуть меня. И удалось без катастрофических последствий для себя. Ведь я мог заартачиться, а мог и чисто рефлекторно ответить грубостью на грубость. А удар у ме-

ня мощный – даже если бью без размаха... В школе я занимался боксом, в институте увлекся самбо, а в армии прошел курс упрощенного рукопашного боя, состоящего из десятка простых приемов. Упрощенный стиль, но отнюдь не упрощенный курс. А приемы только с виду простые, в деле же – очень эффективные, в условиях боевых действий просто незаменимые... Словом, мужик мог нарваться на качественные трендюля. Но бить его я не стал. А вдруг это мой будущий тесть?.. От такой перспективы захватило дух. И вся моя агрессия сошла на нет. Даже когда он схватил меня за грудки, я не дал воли рукам. И головой его бить не стал, хотя мог.

– Не смей так смотреть на мою дочь, солдафон! – зашипел он.

Мне ничего не оставалось делать, как поднять руки. Дескать, сдаюсь. Он оттолкнул меня с чувством исполненного долга.

– То-то же!.. А теперь снимай свой ватник и дуй на свою полку! – распорядился гипотетически будущий тесть.

Он сомневался, что у меня есть спортивный костюм, в который я мог бы переодеться. А сомневался он зря, потому что мой камуфляж и был для меня спортивным костюмом. И спортивным, и боевым, и даже водолазным – сколько раз приходилось преодолевать в нем водные преграды. А уж для путешествия в купе он годился вне всякого...

Недолго думая, я зашвырнул свой чемодан на верхнюю полку над дверью, туда же запихнул теплый бушлат. Снял

берцы, убрал их с прохода и в одно касание запрыгнул на верхнюю полку, которая, надо сказать, находилась напротив нижней, на которую вот-вот должна была вернуться прекрасная Вика.

— Ты не обижайся, парень! — пошел вдруг на мировую мужик. — Был бы ты отцом, ты бы понял... Растил дочь, растил, а тут всякие...

— Я не всякий... — осмелился возмутиться я.

— Да, но ведь смотришь, как волк на ягненка. Облизываешься... Знаю я вас, служивых. Голодные, как те волки... Не надо на мою дочь так смотреть, не надо. Не для тебя растили...

Он хотел сказать что-то еще, но в этот момент в дверь постучали.

— Ну, ты меня понял! — заключил он и отодвинул в сторону створку двери.

Купе заполнилось волшебным светом. Это появилась Вика. Застенчиво улыбнулась мне и села рядом с отцом — напротив меня, как я и рассчитывал. Опустила глаза и снова подняла их на меня, снова улыбнулась — так же смущенно.

Не скажу, что природа наградила меня внешностью записного красавчика-плейбоя. Но на отсутствие женского внимания я, в общем-то, не жаловался. И школьные романы были, и в институте амурные интриги в такие карусели закручивались, что насилу с них спрыгивал. Сам спрыгивал, хотя, бывало, и спихивали меня. Была у нас в институте мисс — фи-

гурка ничего, но личико такое, хоть полотенцем занавешивай. Ей бы вуаль носить, а она густо красилась, отчего становилась похожей на ведьму в самый пик шабаша. И еще чары пыталась в ход пускать – клеила парней без всякого зазрения совести. Однажды и у меня с ней закрутилось. Одна хмельная ночь, после которой я всерьез стал ломать голову, как спровадить эту мисс так, чтобы не обидеть. Думал, думал, в конце концов придумал, но сказать ничего не успел: она меня опередила. И сама заявила, что между нами все кончено. После чего с легкой душой переключилась на следующего парня... Затем был еще один случай. Такая же страшненькая особа, и такая же роковая. Но эта сразу сказала мне, что я ее не устраиваю. И даже объяснила, почему. Оказывается, ей принц нужен, а я, увы и ах, в эту категорию не вхожу... И вообще я давно заметил, что с девушками посимпатичней всегда легче общаться, чем с девушками пострашней. С красотками всегда все клеилось, а с дурнушками чуть ли не через раз облом... Может, только со мной так, может, вообще. Но, так или иначе, глядя на Вику, первую из первых красавиц, я чувствовал, что у меня есть шанс на взаимность с ее стороны. Она уже начала втягиваться в любимую игру всех времен и народов. Игра в переглядки. Я посматривал на нее, она посматривала на меня. Я вкладывал в свои взгляды жар своей души, она мне мило улыбалась в ответ... Неужели я ей нравлюсь? Неужели у меня есть шанс?

Но к той же игре подключился и ревнивый папаша. Один

раз глянул на меня, второй. И как итог:

– Вика, пересядь!

В этот момент я готов был его убить. Но, разумеется, волю своим чувствам не дал. Даже взглядом не выразил свой гнев. И обиду сдержал. Просто зарылся лицом в подушку, когда послушная Вика исчезла из виду. Мне бы сейчас хоть немного поспать – уж больно веселой выдалась ночь. Но как я мог заснуть, когда совсем рядом находилась девушка моей мечты. Раньше я о такой красоте и мечтать не мог, зато сейчас весь в мечтах... Вот ее родители уходят из купе, мы остаемся с ней наедине, она спрашивает, как меня зовут, мы знакомимся. Потом... Нет, нам совсем не обязательно бросаться друг к другу в объятия. Это даже чересчур. Чтобы ощутить себя полноценно счастливым, мне достаточно было сидеть напротив нее и смотреть в ее чудесные глаза... И вот я сижу напротив нее, люблю ее, наслаждаюсь ее чудным голосом, и вдруг в купе врываются два... нет, три типа. Они оскорбляют Вику, набрасываются на нее, но я встаю у них на пути непреодолимой каменной глыбой. Никаких слов, только язык силы. Один в нокауте, второй... Третий в страхе перед неминуемой расправой убегает сам. Вика благодарит меня за чудесное спасение...

«Спасибо тебе, любимый... Я знала, что ты самый лучший...»

Она нежно целует меня в щеку. Затем обвивает своей тонкой ручкой мою шею, страстно целует в губы... Это совсем

не обязательно. Но, разумеется, я с удовольствием принимаю ее инициативу, более того, перехватываю ее, беру все в свои руки – все, в том числе и саму Вику. Укладываю ее на полку, расстегиваю «молнию» ее куртки, под которой ничего нет. Взгляду открывается ее чудная налитая грудка с аппетитной вишенкой сосца...

«Руками не трогать!» – голосом своего отца взрывается Вика.

Да и не Вика лежит подо мной. Я вижу перед глазами разъяренное мужское лицо...

«Не-ет!» – в ужасе вскричал я.

И проснулся... Думал, что не засну, а тут на тебе. И на старуху бывает проруха, и на старика-«дембеля»... Постукивая колесами, поезд продолжал нести меня в родные края. Подо мной только простыня, матрац и подушка. А мужик на своем месте. Поблескивая залысинами, истребляет жареную курицу. Внизу за столиком – пир горой. Что именно едят, я не знал. Потому что мог видеть только куриное крылышко в руках пожирателя птиц. Зато я знал, вернее, догадывался, что Вика принимает участие в трапезе. Лег на живот и сделал вид, что любуюсь проносящимися мимо пейзажами. А сам посматривал на стол, а если точнее, на ее ручку, которой она изящно счищала скорлупу с яйца...

Ее отец обратил на меня внимание, когда от курицы остались добела обглоданные им косточки. Умаялся, мужик, раздобрел. И даже чуточку подобрел в отношении меня.

– Есть хочешь? – любезно спросил он.

Я пожал плечами. Честно говоря, было бы неплохо заморить червячка, который грозил разрастись до размеров анаконды. С утра ничего не ел. Проспал свой час, в суматохе сборов было не до завтрака. Танюха порывалась пожарить яичницу, да я отмахнулся. И правильно сделал, а то бы точно опоздал на этот поезд... А если бы опоздал, то никогда бы не встретился с Викой... Какое счастье, что не опоздал... А то, что есть хочется, не беда. Я же десантник, и меня учили по несколько дней обходиться без еды и питья. А тут какие-то сутки...

– Если хочешь, то присаживайся, – великодушно разрешил Викин отец. И так же великодушно добавил: – Мы сейчас соберемся, а ты располагайся...

Сие означало, что питаться мне предлагалось сухпайком из собственных запасов. А я-то грешным делом подумал, что меня приглашают к столу.

Я кивнул, соглашаясь. Но вниз спускаться не стал. Хотя был бы только рад хоть какое-то время визуально пообщаться с Викой. Да вот беда, собственных запасов у меня не было, нечем было подкрепиться.

Но через пару часиков все же пришлось подняться. Мочевой пузырь звал меня в дальний конец вагона, и не было больше сил игнорировать его пожелания. Из туалета я вышел в тамбур. Закурил. Дым крепкий, не фильтрованный – приятно закружилась голова, и было бы здорово снова завалить-

ся на полку. Но засосало в желудке. Очень хотелось есть. Да, я мог несколько суток подряд обходиться без еды и питья, но только в условиях их полного отсутствия. Ну а поскольку в поезде имелся вагон-ресторан, а у меня водились кое-какие деньги, то проблема с обедом решалась сама собой...

Из вагона-ресторана я возвратился с чувством сытости в желудке и умиротворения на душе. За окнами поезда по лесам и долам стелился хмурый ненастный день, но настроение у меня все равно светлое. В самом поезде было сумрачно, зато в моем купе вовсю светило солнце – это улыбалась Вика, глядя на меня. Улыбка застенчивая, но все равно ослепительно яркая. Но тут же на мое «солнышко» надвинулась темная туча – в лице ревнивого папаши. Он грозно глянул на дочь и сверкнул молнией в мою сторону. И, чтобы не разразилась гроза, мне пришлось лезть на полку.

Снова захотелось спать. И снова я понял, что заснуть не смогу. Потому что Вика совсем рядом. Да, у меня не было возможности ее видеть, но я мог ее чувствовать...

Поезд плавно покачивался в такт движения, убаюкивающий перестук колес, в вагоне тепло и комфортно... Но я не засну. Я точно знал, что не смогу заснуть...

Викин отец молча поднялся со своего места и вышел из купе. То ли приспичило, то ли еще что, но в купе стало на одного мужчину меньше. А коварные злодеи только того и ждали. И самым наглым образом ворвались в купе. Те же самые знакомые морды, с которыми я совсем недавно имел

дело. Один тип схватил Вику, другой ее мать. Я понял, что должен вмешаться. Но также я понял, что это всего лишь сон... Понял и проснулся...

В купе тишина. Никаких злодеев, никаких безобразий. За окнами темно, под потолком горит свет... Все-таки заснул. И, судя по всему, проспал не один час. Я глянул вниз и оторопел: Вика находилась в поле моего зрения. Она сидела, опустив глаза в лежащую на сомкнутых коленях книгу. Читает. А рядом с ней никого. Ни отца нет, ни матери. Только она одна. Ну и я еще – сбоку припека...

Я не стал ломать голову над тем, куда подевались ее родители. Не суть важно, да и не до того. Я напряженно думал, как заговорить с Викой. Должен же я был воспользоваться столь удобным моментом, чтобы завязать знакомство. Но на ум ничего не приходило. Я не знал, с чего начать разговор... Я?! Не знал?! Удивительное дело. Ведь последний раз неловкость в общении с женщинами я испытывал на втором курсе техникума. Тогда я был неопытным юнцом. Но сейчас-то я не такой, у меня есть и опыт, и победы. С той же Танюхой я познакомился мгновенно. Хватило избитого штампа: «Девушка, где-то я вас видел...»... Но то была какая-то Танюха. А это Вика! Свет моих очей! Заноза в сердце... И, судя по всему, в мозгах. Переплелись мои извилины от переизбытка чувств. И в горле пересохло так, что язык прилип к гортани. Ни одной умной мысли...

В отчаянии я так глядел на Вику, что чуть не прожег ей

макушку. Она подняла голову, посмотрела на меня. В глазах у нее вспыхнули огоньки, губы сами сложились в милую улыбку.

– Проснулись? – спросила она.

Глупый вопрос. В том смысле, что заставил меня почувствовать себя глупцом. Если не сказать, идиотом...

– Э-э, нет... Просто лежал...

И все же я был благодарен ей за этот вопрос. Ведь с ответа на него мог завязаться разговор.

– А я вот не ложусь. Книга интересная...

– Любовный роман? – догадался я, глянув на пеструю в розовых тонах обложку ее книги.

– Роман, – кивнула она. – Любовный...

– Она – золушка, он – принц...

Кажется, я растормозился. Слово за слово – понеслось. Лишь бы не споткнуться...

– А как вы угадали?

– Ну, не знаю... Женщины любят такие сказки, а вы так увлеченно читали...

– Сказки, – эхом отозвалась Вика. – В жизни так не бывает... Хотя... Хотя ведь всякое может быть...

Эх, как бы я хотел сейчас оказаться принцем. Пусть и не сказочным, пусть в переносном смысле, но принцем. Но, увы, мой отец был самым обыкновенным заведующим хирургическим отделением в самой обыкновенной клинической больнице. Мама тоже врач по специальности, но на ад-

министративной должности в департаменте здравоохранения. Семья не бедствовала, но и не жировала. И уж точно не подходила под категорию королевской... А Вика, судя по всему, не отказалась бы от романа с принцем. Чтобы он ее на белых лимузинах катал, в шелка от Кардена одевал, с золота кормил... А уж она-то имела все основания надеяться на богатого жениха. Сколько их сейчас, этих богатых «новых русских». И Вика для них как та свеча, на которую они будут слетаться, как мотыльки... Да, с ее красотой она могла рассчитывать на многое, а тут какой-то вояка без роду без племени...

Уже одно то, что я человек служивый, говорило о многом. Новое общество пытается уйти от таких атавизмов, как коммунизм и социализм, но армия у нас при этом стала еще более рабоче-крестьянской, чем была. Потому что служат в ней в подавляющем своем большинстве дети рабочих и крестьян. Дети тех, у кого нет денег, кто не может откупить свое чадо... Мой отец, в общем-то, мог бы меня откупить, но не стал делать этого – в силу остроты текущего момента. Морду я одному «принцу» набил – сынку «нового русского». Виноват был он, а шишки посыпались на меня – отчисление из института, встреча с двумя мордоворотами, которая едва не закончилась для меня больничной койкой. Тогда я отвертелся, но мог нарваться в следующий раз. Да еще и уголовное дело в милиции на меня завели – хулиганство, причинение телесных повреждений. В общем, выход у меня был только

один – армия. Так и загредел я на срочную. Ушел служить, и от меня отстали. Это я так, к слову...

– Да, все может быть, – выдержав паузу, согласился я. – Вот я, например, никогда не думал, что когда-нибудь увижу живую принцессу...

Язык у меня развязался, а сам я оставался прикованным к своей полке. А ведь неприлично разговаривать с дамой с такой высоты. Да и не я, а она должна смотреть на меня сверху вниз... Пришлось исправляться.

– Если позволите... – извиняющимся тоном произнес я, устраивая свой камуфлированный зад на краешек нижней полки, застеленной одеялом.

– О чем разговор... А вы видели живую принцессу?

– Да, видел. И вижу ее сейчас... Надеюсь увидеть еще...

– Это я-то принцесса? – зарделась Вика.

– Конечно! Да, а где ваш папа-король? – окончательно осмелел я.

– В трапезной, – звонко рассмеялась Вика. – Ужинает с королевой-матерью...

Она заворуженно смотрела на меня. Так маленькие девочки смотрят на циркового клоуна во время представления. Но ведь и в клоунов влюбляются... Я готов быть клоуном, я готов фиглярничать и дальше, лишь бы ее интерес ко мне не угасал. И лишь бы была возможность веселить ее дальше. А то ведь явится сейчас злобный папаша и снова загонит меня на верхнюю полку.

– А вас, я так понимаю, оставили без ужина. Не буду спрашивать, за какие провинности...

Не знаю, за какие провинности Вику не взяли в ресторан, но ясно, что оставили ее здесь неспроста. Чтобы она вещи сторожила. От меня... Хотя опять же нестыковка. Злобный папаша не мог оставить ее наедине с посторонним мужчиной, тем более солдатом. Или такой обжора, что в угоду своему чреву готов пожертвовать своей дочерью... Но разве он ею жертвует? Разве я такая сволочь, что могу надругаться над Викой?.. Да, она красавица, но ведь я не чудовище...

– Какие провинности? – мило улыбнулась она. – Просто я не хочу кушать...

– Завтрак съешь сам, обед подели с другом, ужин отдай врагу?.. Знаете, я так и поступаю. Ужин отдаю врагу – своему желудку...

– Вам нельзя без ужина. Вы же в армии служите... У меня есть брат двоюродный, его Олег зовут, так он рассказывал... Кстати, а как вас зовут?

– Мой друг меня Чуковским зовет, – издалека начал я.

– Почему? Вы стихи пишете?

– Нет. Потому что меня Корнеем зовут...

– Корней... Основательное имя...

– Вы находите? – польщенно спросил я.

– Не знаю, мне показалось...

– Так что вы про брата своего рассказывали?

– В армии он служил... Уже отслужил... Вы еще служите.

А выглядите старше. Сколько вам лет?

– Двадцать четыре. Я же после института...

Маленькая красивая ложь, как правило, звучит лучше большой и неприятной правды. Да и зачем Вике знать, что меня выгнали из института. Тем более что весной я постараюсь восстановиться на четвертом курсе, окончу его, а еще через год у меня будет высшее образование. Я ж не какой-то мужлан в конце концов....

– Да? И кто вы по специальности?

– Инженер-технолог... Металлообрабатывающие станки и комплексы...

– Это интересно.

Увы, но ни в названии, ни в сути моей будущей профессии не было романтики и тем более прагматики. Даже малым детям известно, что инженеры уже не входят в число уважаемых профессий. Заводы стоят, зарплату не платят... То ли Вика этого не понимала, то ли умела лицемерить, но в ее глазах отражался неподдельный интерес. А может, ей льстил факт, что я не просто солдат, а взрослый состоявшийся мужчина с высшим образованием... Так или иначе, но мне было приятно.

– А я тоже в институте учусь, – как о чем-то будничном сообщила она. – Правда, на первом курсе. Сельхозакадемия, экономический факультет...

За последние несколько лет экономические вузы прочно вошли в моду. Все хотят быть экономистами, финансистами,

чтобы поближе к деньгам быть. Все правильно, рыба ищет, где глубже, человек, где лучше. И Вика не исключение...

– Московская академия? – уточнения ради спросил я.

– Московская. И живу в Москве... С родителями, – многозначительно добавила она и так же многозначительно улыбнулась.

– Отец у вас – у-ух! – с намеком на осуждение натянуто-весело заметил я.

– И ух и ах... Про ежовые рукавицы слышали?

– Да. У вашего папы такие...

– Точно. Шагу не дает свободно ступить. И ни с кем встречаться не разрешает... Вы не поверите, но у меня даже парня никогда не было...

– Да, в это трудно поверить.

– Но это факт...

И факт этот не вошел в купе, а ворвался с напором ураганного ветра.

– Та-ак! – взревел Викин отец. – И что мы здесь делаем?

И этим ветром меня задуло на верхнюю полку... Мужик производил отталкивающее впечатление. Рожа его кирпича просила, но при этом я готов был угождать ему. Шугнул меня, и я с радостью изобразил испуг... Он – идиот и самодур, но благодаря ему Вика никогда и ни с кем не встречалась. И не было у нее парня, которого она могла любить и которому могла... Даже думать не хотелось о том, как она могла миловаться с кем-то. Тем более что не было ничего. Вике

никак не меньше семнадцати лет, может, уже восемнадцать. К этому возрасту многие современные девушки уже знают вкус плотской любви. И Вика могла ее познать. Ведь она так красива, а вокруг столько искусителей... Могла бы. Но спасибо ее отцу за то, что ограждал ее от искушения. И дальше будет ограждать этот цветник, но вовсе не для меня. Но ведь я десантник. Я создан для того, чтобы успешно преодолевать всякого рода преграды...

– А притворялся, что спит!.. – продолжал возмущаться мужик. – Ты его разбудила?

Вот и на Вику наехал.

– Папа, ну как ты можешь? – увещевательно возмутилась Вика.

– Аркадий, хватит! – достаточно резко осадил мужа ее мать. – Сколько можно? Вика уже совсем взрослая...

– Да?.. Ну, об этом мы дома поговорим, какая она взрослая! А этот...

Я лежал спиной к этому тирану-самодуру, но затылком чувствовал на себе его испепеляющий взгляд.

– Если он еще раз встанет, то я не знаю, что с ним сделаю!..

Это был самый натуральный истерический вопль. Недостойный мужчины... Скорее всего у Викиного папашки не все дома. Дать бы ему по чайнику, чтобы не вопил. Но нельзя. Ведь у меня виды на его дочь. И ссориться с ним нежелательно... Таких кретинов можно взять только старой армейской тактикой «виноват, дурак, исправлюсь...» Виноват

я, потому и молчу, потому и не возмущаюсь...

Я молча ждал, когда уляжется шквал психической атаки на мои редуты. Ждал и дождался. Недоделанный Аркадий утих, забрался на свою полку. А спустя какое-то время засопел в две дырки. Неужели заснул? Я-то думал, что он глаз с меня спускать не будет... А может, он притворяется?

Викина мама тоже забралась под одеяло. Но спать не собиралась. Лежит, читает. И Вика тоже лежит. Тоже, похоже, читает. Слышно, как шелестят страницы... А может быть, она только вид делает, что читает. Может, обо мне думает... Хотелось бы на это надеяться...

Я осторожно спустился вниз, сунул ноги в свои берцы. Потребностей не много – до ветру и покурить. Глянул на Вику, но ее лицо было скрыто за книгой. Я-то думал, что она глянет на меня. Но не глянула. И, закрывая за собой дверь, я понял, почему. С верхней полки за нами ревностно наблюдал Аркадий. Значит, не спал он, гнусный притворщик...

Из туалета я вышел в холодный тамбур. Только достал сигарету, как появилась Викина мама. Теплая вязаная кофта поверх спортивного костюма, в тонких изящных пальчиках изящно зажата дамская сигарета. Я хоть и растерялся, но рефлексy меня не подвели, и в моей руке щелкнула зажигалка. Как истинный джентльмен, я не мог отказать даме в любезности угостить ее огоньком.

– Спасибо... Не обращайтесь на мужа, – извиняющимся тоном сказала она. – У него бывают вывихи...

Судя по всему, вывихи случались и у нее. Я не мог забыть то недовольство, с каким она встретила меня сегодня утром. Но, видимо, у нее вывих вправился, а у Аркадия – куда более тяжелая клиника. Но я не имел права его осуждать. Во всяком случае, перед лицом женщины, с которой был бы только рад породниться. Насколько я понял, ее звали Асей. Но не мог же я обращаться к ней просто по имени...

– Да ничего... Будь у меня такая дочь, я бы тоже над ней трясся...

– Уже готовитесь к отцовству? – иронично усмехнулась она.

– Ну, пока только мысленно...

– Вика сказала мне, что вы уже взрослый, после института...

Я постарался не выдать своего удивления. Да и чему тут удивляться? Движение поезда создавало шумовой фон в купе, и я не мог слышать, о чем Вика разговаривала со своей мамой. А они могли шушукаться, обсуждая меня и моего недруга в лице папы Аркадия... Да, так оно и было. И, судя по всему, мама Ася прониклась ко мне интересом.

– Ну, в общем, да...

– Еще долго служить?

– Полгода.

– А сейчас куда?

– Домой, в отпуск.

– В Москву?

– Да.

– И где вы там живете?

– На Кутузовском. В районе парка Победы...

– У-у! – с еще большим интересом посмотрела на меня

Ася Батьковна.

Что ни говори, а родители мои жили в престижном районе. И дом престижный, номенклатурный. Дед мой в райкоме партии в свое время работал. Бабушку еще десять лет назад похоронил. Жить после этого не хотел, но все же дотянул до номенклатурной пенсии. А вот августовский путч девяносто первого пережить не смог. Не смог или не захотел. Один инфаркт, второй, а умер от инсульта. Вечная память нестигаемому коммунисту Корнееву. Сейчас он вместе с такой же нестигаемой бабушкой коммунизм на том свете строит. А может, уже и построили. Может, уже и живут в своем коммунистическом раю...

– А родители чем занимаются? – спросила она.

– Отец врач, мама тоже... А я вот в инженеры подался...

Родители хотели, чтобы я в медицинский институт поступал. Хотели, да меня заставить не смогли. В детстве я, помнится, мечтал врачом стать. До тех пор, пока случайно в прозекторскую не попал, ну, где трупы потрошат. Зрелище еще то! Наизнанку вывернуло. С тех пор как отрезало... Но и техникой я особо не увлекался. Просто родственник один в машиностроительном техникуме преподавал, он мне и с университетом потом помог. Только вот от отчисления спасти

не смог. Ну да ладно...

– Не жалеешь?

– А чего жалеть? – удивился я. – Я ж на завод не собираюсь. По специальности буду работать, но в собственной фирме. Дело свое открыть хочу. Продажа металлообрабатывающего оборудования. Чем у нас в стране торгуют? Нефтью и металлом. Очень перспективное направление в бизнесе...

Я говорил, а сам опасался, что вид у меня более чем идиотский. Какой к черту бизнес, какое оборудование?.. Сначала отслужить надо, специальность получить, а потом уже думать, где взять деньги на дело, о перспективах которого я имел весьма смутное представление... Но, видимо, моя бурная речь произвела на женщину неизгладимое впечатление.

– Приятно иметь дело с интеллигентным и, главное, целеустремленным человеком!

Похоже, она была искренней в своих суждениях.

– Ну что вы... – скромно потупил я взгляд.

– Да-да, я всегда знаю, что говорю... Значит, вам двадцать четыре года, у вас высшее образование и через полгода вы заканчиваете службу...

– Совершенно верно.

– А на Аркадия... э-э, Васильевича вы не обижайтесь. Он, знаете ли, помешался на почве любви к дочери. Заботится о ее целомудрии, так сказать...

– И правильно делает. Ваша Вика в том возрасте, когда ее легко обидеть...

– Да, наверное, вы правы. Но все же Аркадий чересчур строг... Меня к мужчинам так не ревнует, как Вику... Ладно, пойду я. А то ведь и мне может достаться... Да, запишите номер телефона. Если, конечно, Вика вам интересна.

Надо ли говорить, какая эйфория меня охватила? Сама мать предлагала мне знакомство со своей красавицей дочерью. Я очень надеялся, что по взаимному согласованию с дочерью. Телефон я записал. И пока прятал драгоценный кушочек бумаги на сердце, мама Ася дала мне устную инструкцию. Звонить по будням с четырех до шести часов вечера. Именно в это время Вика бывает дома без отца. Аркадий возвращается из института в шесть вечера. Возвращается из того же института, где учится Вика. Кем он там работает, женщина умолчала. А я не спросил. Потому что надеялся спросить об этом у самой Вики. На очной, так сказать, ставке...

Когда я вернулся в купе, Вика уже спала. И я, недолго думая, завалился на боковую. Заснул сразу же, но совсем скоро меня разбудил пристальный взгляд Аркадия Васильевича. Всю ночь он не сводил с меня глаз из опасения, что я спущусь тайком к его дочери и, как тот змей-искуситель, собою ее с истинного пути... Есть мания преследования, а у этого мания недоверия к собственной дочери. Бедная Вика, как же нелегко живет под жестким крылом этого параноика. Но ничего, я был полон решимости в самое ближайшее время освободить ее от этой тирании. Тем более что ее мама была

на моей стороне, и это обнадеживало...

Глава 2

Телеграмму домой я давал позавчера. Всего несколько слов – отпуск, ждите, скоро буду. Ни номера поезда, ни времени прибытия... Неудивительно, что на вокзале меня никто не встречал. Да и ни к чему это. Ноги молодые, а метро быстрое. Одна пересадка – и я уже дома. А там никого. Отец на работе, мать тоже. Понедельник как-никак... Старший брат тоже мог быть на работе, младшая сестра в школе. Но нет у меня никого. Как в той песне, у меня братишки нет, у меня сестренки нет. Что-то там у родителей на этот счет не очень ладно. В подробности я не вникал и, наверное, правильно делал...

Дома никого нет. Но на столе в кухне записка.

«Сынок, если ты уже приехал, то холодильник и плита к твоим услугам! До встречи! Целую, мама!» Это в ее репертуаре. Налепить целую морозилку пельменей, наморозить голубцов в кастрюле – так, чтобы на целую неделю. Так же в холодильнике я обнаружил сыр, колбасу. И бутылку пива...

Это был самый настоящий кайф – принять горячую ванну, наварить пельменей и съесть их под шипящий аккомпанемент пенного напитка. Дома так хорошо, так уютно... Квартира трехкомнатная, с большим холлом. У меня своя комната, со своим телевизором. Видеомагнитофон можно было бы взять из гостиной. Завалиться на кушетку, запустить замор-

ский боевичок и балдеть под грохот бутафорской канонады. А еще лучше было бы завалиться на кушетку вместе с Викой... Неужели это возможно, спросил я себя. Возможно!..

Я уже точно знал, что безумно влюблен в эту девушку. Но не знал, что я делаю дома, когда до окончания отпуска остается чуть больше недели. Я обязан нестись к ней на крыльях любви. Но ведь она сейчас дома. Под присмотром тирана отца. И только завтра она отправится в институт вместе с ним, чтобы вернуться домой без него... А может, они уже сегодня отправились в институт. Ну, опоздают с дороги, ну и что?.. Если Вики сейчас нет дома, значит, она на учебе, значит, сегодня после четырех ей можно будет позвонить. Сегодня, а не завтра...

Семь заветных цифр, долгие протяжные гудки в телефонной трубке... Да, похоже, ни Вики нет дома, ни ее родителей... Значит...

– Алло, – прервал мои размышления райский голосок.

– Вика?

Никаких сомнений не возникло у меня в том, что это была она.

– Да, я... А это кто?

Увы, но она не узнала меня. Неужели так быстро забыла? А ведь сегодня, расставаясь, мы многозначительно посмотрели друг на друга. Ведь мы уже были связаны тайной... Хотя бы тайной ее телефона, в которую посвятила меня ее мать... Но была и другая, гораздо более глубокая тайна. Тай-

на любви.

– Ну как же! Это же я, Корней! Мы же в поезде с тобой ехали!

– А-а, Корней... Извини, что не узнала!

– Да ничего... А ты, значит, дома.

– Ну да, у меня же каникулы...

– Каникулы? – удивился я.

У студентов каникулы бывают только зимой и летом, после сдачи сессий.

– Ну, не то чтобы каникулы, – замялась Вика. – Я хотела сказать, вынужденные каникулы... Мы же отпуск брали, чтобы к бабушке съездить...

– К бабушке? Ну да...

Я как-то не задавался вопросом, что делала Вика с родителями в городе, где я служил... А они, оказывается, к бабушке ездили. Зачем? А какая разница?

– А твой папа сейчас где?

– В институте... Ну, мне завтра в институт, а ему сегодня... А маму на работу вызвали, только вечером будет... Но тебе к нам нельзя...

– Да я и не напрашиваюсь, – смутился я.

– А в кино мы бы могли сходить... – утешила меня Вика. – Когда ты будешь?

– Уже лечу!

У меня действительно возникло ощущение, будто за спиной выросли крылья. И я вдруг понял, что чувство окрылен-

ности – довольно опасное явление. Хорошо, что я был в одних трусах и майке, а то ведь выпрыгнул бы сейчас из окна и с концами. Хотя я и десантник, но без парашюта с девятого этажа нас прыгать не учили...

Я договорился о встрече и стал одеваться, чтобы как можно скорее добраться до больницы, где работал отец. К счастью, в армию я уходил не безусым юнцом, и если возмужал за полтора года, то больше духовно, нежели телесно. Иначе говоря, моя одежда как была, так и осталась мне впору. Ну, может, джинсы стали чуточку тесней. Зато кожаная куртка с меховым воротником сидела как литая.

На такси деньги жалеть не стал. Десять минут в пути, и я на месте. В больнице, где работал мой отец. Казалось бы, я должен был прямым ходом нестись к Вике. Но до нее ехать еще дальше – где-то около часа от моего дома. Да я сутки напролет готов был ехать к ней, лишь бы доехать. Но было у меня желание произвести на нее впечатление. Для этого мне нужна была отцовская машина. А она стояла на служебной стоянке. Белая красавица с тонированными окнами. «Волга» «двадцать четвертой» модели. Несколько устаревший вариант по нынешним временам. Но выглядела она как новенькая: дед на ней почти не ездил, да и отец не особо гонял, на работу и обратно, ну еще на дачу по выходным. И относился к ней бережно, пылинки с нее сдувал. Иногда и мне позволял на ней ездить, но в исключительных случаях. А разве сейчас не тот случай? Сын в отпуск приехал! К тому же любимый

сын. И влюбленный...

Отца я застал в его кабинете. Последний раз мы виделись год назад. Они с матерью ко мне в часть приезжали. Я бы не сказал, что он постарел с тех пор. Но лишние седины в волосах я все же углядел... В любом случае для своих пятидесяти лет он выглядел молодцом.

– Корней! Ну наконец-то!

Он крепко обнял меня, после чего похлопал по плечу и показал на диван. Я, конечно же, присел. Но весь мой вид говорил о том, что я спешу.

– Торопись куда-то? – угадал отец.

– Куда-то, – кивнул я.

– К Марине?

– Ну, вспомнил...

С Мариной я порвал еще до армии. Сразу после того случая, который меня туда отправил. Одному богатенькому подлецу морду из-за нее набил, а она потом против меня же и свидетельствовала. Не важно, по принуждению или как. Важен сам факт... Да и хорошо, что не нужно мне к Марине ехать. Не до нее мне сейчас...

– Машина нужна?

А вот здесь отец проявил чудеса ясновидения. На что я не преминул ему указать.

– Ты – мудрец и пророк!

Насчет мудреца я сказал неспроста. Какой же мудрец откажет сыну в машине? Транспорт – преходяще, а родствен-

ные чувства – вечны.

– А ездить не разучился? – улыбнулся отец.

Похоже, сравнение с мудрецом и пророком подсказало ему правильную линию поведения.

– Наоборот, научился! На танке, на БМД – как с добрым утром!

– Вот этого я и боюсь. У нас тут не полигон...

– Да я понимаю. Все будет о'кей и даже лучше!..

– Ну, лучше не надо... Когда будешь? – спросил он, выкладывая ключи на стол.

– Думаю, что часам к семи подъеду, – в раздумье изрек я.

А на большее рассчитывать я не мог. В лучшем случае Вике нужно будет вернуться домой к шести, а в худшем – мы вообще с ней не увидимся.

– Утра?

– Хотелось бы. Но это исключено...

Вика жила на Череповецкой улице в районе Дмитровского шоссе. Через полчаса я был на месте. Еще полчаса я искал работающий телефон-автомат. Нашел, позвонил. Трубку сняла Вика.

– Через три минуты буду возле подъезда. Белая «Волга», – не то чтобы небрежно, но как бы невзначай добавил я.

– Круто! – услышал я несвойственное для нее, как мне показалось, восклицание. – Я уже готова, жди в машине...

Каково же было мое удивление, когда ко мне в машину без всякого приглашения сел какой-то молоденький парнишка.

Короткие вихрастые волосы, еще не оформившееся детское личико, тонкая шея, смешно торчащая из широкого ворота синтепоновой куртки. Но это удивление было лишь легким колыханием по сравнению со штормовым изумлением, когда услышал его голос.

– Чего уставился? – спросил он.

Это был Викин голос. Чистой воды ее голос. Ну разве что наглость и нахрапистость этого юнца можно было сравнить с каплями дегтя в бочку чистейшего меда...

Признаться, мне стоило труда оторвать нижнюю челюсть от груди, к которой она прилипла.

– Ты кто такой? – через силу спросил я.

– Сашка меня зовут. Викина сестра. А что?

– Сашка?.. Сестра?! Я думал, ты парень... – ошеломленно протянул я.

– Индюк тоже думал... Александра меня зовут. Если короче, то Сашка. Чего тут непонятного?..

– Убил ты меня, Сашка. То есть убила... Наповал сразила, – честно признался я.

– Извини, живой воды у меня нет. И мертвой тоже. Ожить не смогу. Да и нужен ты мне... – ухмыльнулся сорванец.

То есть ухмыльнулась... Да, если взглядеться, было в чертах ее лица что-то женское. Но все же Сашка больше смахивала на пацана, нежели на девчонку. Может, короткая прическа тому виной, может, полное отсутствие косметики... Да и какая косметика может быть, если ему... то есть ей... в об-

щем, самое большое лет четырнадцать.

– Что, не нравлюсь?

– Да нет, парень ты ничего, – насмешливо, с прищуром глянула на меня Сашка. – Даже очень... Но мне еще рано парнями интересоваться. Ну, в том смысле, в каком Вика интересуется...

– А в каком смысле Вика ими интересуется?

– Ну вот, ляпнула, что называется. А ты лихо стрелки на нее перевел! Ну ты гусь, скажу я тебе!

– А ты трясогузка.

– Ты еще гадким утенком меня назови! – напыжилась Сашка.

– А ты не хорохорься, и не назову!..

– Ладно, успокойся. Нормально все. Ну, загнула малость, с кем не бывает...

– Сколько тебе лет, малость?

– Да не я малость... Четырнадцать... А что?

– Да нет, ничего. Это я так спросил, к слову. Вика где?

– Это тоже к слову?

– Нет, это к кульминации момента. Извини, но меня Вика интересует, а не ты...

– Да я знаю! Вика у нас – о-хо-хо! А я так, не пришейся...

– И ты будешь о-хо-хо, когда вырастешь.

– А не буду. Не хочу потому что... Я, думаешь, чего под пацана ряжусь? А чтобы папина крыша на меня не съехала. Вику вон как придавило – ни вздохнуть ни чихнуть... Я во-

обще поражаюсь, как она тебе телефон свой дала? Она ж отца как огня боится...

– Пусть боится.

– Не хочешь, чтобы она с другими гуляла? – засмеялась Сашка. – Все не хотят...

– Кто все?

– Ты, наверное, думаешь, что один такой? У нее много ухажеров. Только папка никого к ней не подпускает. И тебе не обломится. Он ведь такой, что и по голове настучать может...

– А за тебя?

– Что за меня?

– Ты вот в машине со мной сидишь, треплешься. А люди потом твоему отцу скажут...

– Ну, скажут. И я скажу, что ничего такого не было... Я же говорю, он за мной, как за Викой, не дрожит... Мне иногда кажется, что я для него вообще не существую...

В голосе маленькой девочки явно прозвучала детская обида – по большей части надуманная, но в принципе вполне реальная. Очень даже могло быть, что Аркадий Васильевич любил младшую дочь меньше, чем старшую. Может быть, потому что Вика – уже прекрасный лебедь, а Сашка – гадкий утенок, который из кожи вон лезет, чтобы доказать свое право на место под солнцем... Мне стало жаль эту пусть и не совсем милую, но трогательно смешную пташку.

– Сашуль, может, ты все-таки скажешь, где Вика? – спро-

сил я.

– Может, и скажу... В институте она. Отец настоял... А у меня каникулы... Извини, что я Викой прикинулась. Просто вдруг грустно стало. Только и слышно «Вика», «Вика», а до меня и дела никому нет... Только не подумай, я не ревную. Я Вику очень люблю. И если вдруг ее обидишь, будешь иметь дело не только с отцом, но и со мной...

– А мне совсем не страшно, – улыбнулся я. – Потому что я не собираюсь ее обижать...

– Что, любовь? – насмешливо хмыкнула Сашка.

– Ну а ты сама как думаешь?

– А-а, влюбился!.. Только тебе ничего не светит, – не совсем уверенно предупредила она.

– Почему?

– Ну, не знаю... А может, и светит... Это же ты с ними в поезде сегодня ехал?

– И вчера тоже.

– Они говорили, что какой-то парень военный был...

– Старший сержант воздушно-десантных войск.

– Это ты-то сержант!.. Ну да, парень, я смотрю, ты ничего. Видный!..

– Ну спасибо...

– Спасибо Вике своей будешь говорить. Если отец тебя не убьет...

– А может убить?

– Да все может быть, если найдет... Но тебе повезло. Ты

мне нравишься... Я хотела с тобой в кино сходить, ну раз уж ты на машине, то поехали.

– Куда?

– Куда-куда? В институт! К Вике!.. Ну, не в сам институт. К станции метро. Мы ее перехватим...

Сашка болтала всю дорогу. От нее я узнал много интересного и о ней самой, и о Вике. От отца она была не в самом полном восторге, но говорила о нем больше хорошего, чем плохого. Ну, тиран, ну, самодур, но ведь это от любви, а не от ненависти...

Я так привык к Сашкиному щебету, что уши сдавила звенящая тишина, когда стих ее голос. Она отправилась за сестрой, ее не было около часу. И наконец они появились. Оглядевшись по сторонам, Вика села в машину. Сашка же заговорщицки помахала нам рукой и стремительным шагом направилась к метро.

– Куда это ее понесло?

Я огорошенно смотрел ей вслед. Странно, я-то думал, что Сашка поедет домой вместе с нами.

– Она сказала, что на метро...

Вика тоже смотрела вслед удаляющейся сестре. На щеках милый стыдливый румянец, в голосе волнение. Вчера в поезде она меня так не стеснялась, как сейчас. Даже когда мы остались наедине с ней, она не казалась такой смущенной. Может быть, потому что знала – отец где-то рядом. А сегодня она фактически сбежала от отца. Кто его знает, может,

Аркадий Васильевич уже несется к моей машине на всех парах, чтобы задать мне жару. Это мысленное предположение заставило меня нервно оглядеться по сторонам. Вика заметила мое движение. И угадала направление моей мысли.

– Не бойся, папа за мной не гонится, – сказала она и чутьточку насмешливо посмотрела на меня. – Ему сегодня не до меня...

– Что так?

– Неприятности на работе...

Я уже знал, что Аркадий Васильевич руководит в институте физической подготовкой.

– Что, серьезно?

– Не знаю. Но если его уволят, то я не переживу... – скорее в шутку, чем всерьез ужаснулась она.

– Почему?

– И так прохода нет, а тут он еще дома постоянно будет. Мне сейчас домой в радость, потому что его там не будет, а так... Знал бы он сейчас, где я...

– Ты так говоришь, как будто случилось что-то страшное... Я всего лишь хочу отвезти тебя домой...

– Дело в том, что я не хочу домой... – словно набравшись смелости, посмотрела мне в глаза Вика. – Скучно там...

– Я тебя понимаю. Поехали в кафе где-нибудь посидим, – предложил я.

Помимо ключей, отец слегка профинансировал меня. На ресторан вряд ли хватит, а в кафе посидеть – запросто.

– Поехали, – согласилась Вика. – Только недолго. Через полчаса отец домой звонить начнет...

– Ты же говорила, что ему сейчас не до тебя...

– Ну, мало ли... Можешь украсть меня на час, не больше...

– Я бы хотел украсть тебя на всю жизнь...

Как же все-таки здорово, что вчера я не опоздал на свой поезд. Как здорово, что познакомился с такой чудесной девушкой. Теперь мы вместе, в одной машине, я имею возможность любоваться ею. Имел я на это право или нет, но я наслаждался ее красотой, трепетал в предчувствии вселенского счастья. Вика не воротила от меня нос, напротив, тянулась ко мне. Изнывая от внутреннего восторга, я понимал, что мое счастье в моих руках. Как будто только от одного меня зависело, быть нам с ней вместе или нет. Как будто ее отец не мог нам помешать... А что он в конце концов делает? Кто он такой? Вика всего лишь дочь ему, но никак не рабыня. И если она захочет выйти замуж за меня, он не сможет ее остановить... Выйти за меня замуж. Она могла выйти за меня замуж! Если это случится, то я с полным правом буду считать себя счастливейшим из смертных. Или нет, если Вика станет моей женой, то я уже не буду считаться простым смертным. Быть ее мужем – удел богов...

– И что ты со мной сделаешь, если украдешь? – задорно улыбнулась она.

– А что я, по-твоему, могу с тобой сделать?

– Ну, не знаю... Я читала в книгах, что ворованные вещи продают скупщикам краденого...

Если это была шутка, то мне она показалась не совсем удачной... А это была шутка, вне всякого.

– Во-первых, ты не вещь. А во-вторых, я никогда и никому тебя не отдам. Даже твоему отцу...

– Не надо про него, – качнула головой Вика. И подстрека-
тельно глянула на меня: – Что, так и будем здесь стоять?

Действительно, нам уже давно пора ехать, а мы все стоим. А ведь я не мазохист и не нуждаюсь в трепке от ее отца... А может, я просто подспудно ждал, что вернется Сашка. Без нее, конечно, лучше. Но жаль девочку. Такую встречу организовала, а сама на метро домой отправилась. А ведь могла бы с нами в кафе съездить... Хотя нет, лучше мы вдвоем там бываем, с Викторией... Неужели мы с ней вдвоем в моей машине? Неужели это не сон?

– Забавная у тебя сестра, – выехав на вторую слева полосу, заметил я.

– Отец сына хотел, а родилась девочка. А он упрямый, поэтому как мальчишку ее воспитывал. Ну, а ей это нравилось...

У каждого своя версия, мысленно отметил я. Сашка говорила, что нарочно под пацана косит, чтобы от отцовской любви спастись. Вика думает по-другому... Скорее всего, истина где-то посередине. Но мне-то что до этого?

– А из меня он затворницу сделал... – опечаленно вздох-

нула Вика. – А мне это не нравится...

– Глупый он, твой папашка. Извини, что я так...

– Ничего.

– От жизни ведь не скроешься. Ты такая красивая, сколько парней вокруг тебя, наверное, выются...

– Выются, – кивнула она. – Но я их боюсь... Отец говорит, что всем им только одно нужно...

– Я догадываюсь, о чем именно он говорит... Не знаю, как другие, но я... Я просто хочу ехать с тобой, смотреть на тебя, слушать твой голос... Ты такая красивая, ты такая... А о том я даже не думаю...

– О чем о том?

– О том, про что твой отец говорит...

– А о чем он говорит? – насмешливо и лишь слегка смущенно смотрела на меня Вика.

– Ну, ты должна понимать, – замялся я.

– Понимаю... Как понимаю, что если дальше так пойдет, то я умру старой девой...

– Ты этого боишься?

– Нет, но... Я уже взрослая девушка, учусь в институте, мне семнадцать лет, в январе будет восемнадцать. Я хочу свободно жить, свободно дышать, встречаться с парнями...

– С парнями или с парнем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.